

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Казенин К.И., Королева М.Н.

**Социология общественных движений – основные
подходы**

Москва 2018

Аннотация. В социологии общественных движений принято выделять три основные парадигмы - парадигму коллективного поведения, парадигму коллективного действия и парадигму новых социальных движений. В рамках эволюции данных парадигм произошел переход от представлений об общественных движениях как проявлении дисфункции социальной системы к пониманию того, что они являются интегральной частью ее нормального функционирования; от акцента на жестком организационном оформлении движения к раскрытию потенциала его неформального характера. В России данное научное наследие активно используется в рамках анализа гражданского общества.

Казенин К.И. директор Центра региональных исследований и урбанистики ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Королева М.Н. старший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2017 год

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1 Парадигма коллективного поведения (традиционный подход, социально-психологический подход)	5
2 Парадигма коллективного действия (организационный подход)	13
3 Парадигма новых общественных движений	21
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	30
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	31

ВВЕДЕНИЕ

Общественно-политическая повестка второй половины XX в. сформировала устойчивый интерес исследователей к теме общественных движений, в конечном итоге приведя к формированию новой научной дисциплины – социологии общественных движений. Смена различных подходов и теорий происходила по мере эволюции самих движений и трансформации общественных институтов.

В настоящее время принято выделять три основных парадигмы – *парадигму коллективного поведения* (К. Блумер, Р. Тернер, Л. Киллиан, Т. Гарр, Дж. Дэвис, У. Корнхаузер, Н. Смелзер), *парадигму коллективного действия* (Дж. МакКартти, Ч. Тилли, Э. Обершол, У. Гэмсон, М. Залд, Э. Томпсон, Д. МакАдам) и *парадигму новых социальных движений* (А. Турен, М. Кастельс, А. Мелуччи, А. Пиззорно, Э. Гидденс, К. Оффе, Д.Рухт, М. Вивьерка, Х. Кризи), в рамках каждой из которых развивался ряд различных теорий. Кроме того, выделяют несколько более поздних подходов, которые стремились синтезировать и актуализировать идеи основных парадигм.

В России данное научное наследие активно используется в рамках анализа общественной активности. Понятийный аппарат, объяснительные модели и методология, выработанные в рамках основных парадигм социологии общественных движений, позволяют проанализировать деятельность различных акторов гражданского общества, их взаимоотношения, механизмы противодействия, кооперации и адаптации.

1 Парадигма коллективного поведения (традиционный подход, социально-психологический подход)

Парадигма формировалась в 1950-е гг., когда общественные движения еще не выделились в отдельный предмет изучения, а анализировались в рамках теорий коллективного поведения, в связи с чем некоторые исследователи называют ее допарадигмальным подходом. Так, например, утверждает Е.А. Здравомыслова в своей монографии, посвященной анализу парадигм западной социологии общественных движений [1]. Среди основоположников парадигмы – К. Блумер, Р. Тернер, Л. Киллиан, Дж. Дэвис, У. Корнхаузер, Т. Гурр.

Представители этой парадигмы сосредоточились на исследовании таких аспектов, как возникновение и формирование движений; коллективные ценности, нормы и идеология участников движения; мотивы участия в движениях; нестабильный характер движений [1]. В рамках нашего исследования полезными могут оказаться как сама концепция низовых изменений; так и понимание мотивации участников, которую возможно сравнивать с мотивацией участников городских проектов; а также модели эффективности самих движений, критическое осмысление и применение которых возможно и в исследовании эффективности деятельности городских низовых акторов. Рассмотрим подробнее взгляды представителей парадигмы.

Для исследователей, работавших в рамках традиционного подхода, общественные движения являлись примером дисфункции социальной системы, временного нарушения социального порядка и стабильности, а также способом выхода возникшей структурной напряженности (structural strain). Само понятие структурной напряженности было нечетко определено. Под ней понимали, как состояние сознания отдельных личностей и групп, так и некую объективную характеристику общества. Она считалась результатом серьезных социально-политических изменений и потрясений, а также возникающим вследствие этих перемен особым психологическим состоянием стресса, в попытке разрядки которого люди прибегали к массовым формам протеста. Среди тех, кто разрабатывал понятие, можно назвать Г.Блумера, для которого ситуация структурной напряженности складывалась из «социального беспокойства» и кризиса легитимности власти [2]

Позже попытки операционализации этого понятия привели к возникновению концепции относительной депривации, о котором подробнее речь пойдет ниже.

В качестве основных примеров массовых движений представители парадигмы рассматривали коммунизм и фашизм, что в значительной мере сформировало их общие взгляды на сущность и роль социальных движений. Следуя теориям массового общества и толпы Г.Лебона и Г.Тарда, они воспринимали общественные движения прежде всего, как внеинституциональную стихийную форму коллективного поведения. Коллективное поведение при этом описывалось как «класс массовых явлений, таких как паника, массовые увлечения, мятежи, реформаторские и революционные общественные движения, религиозные культы» [3], то есть общественные движения рассматривались в одном ряду явлений с религиозными культами и мятежами, хотя и отмечалась их принципиальная сложность. Дальнейшее развитие социологии общественных движений привело к эволюции понимания сущности общественного активизма, который перестал рассматриваться как стихийное явление, форма массового поведения, и эта эволюция взглядов позволяет нам рассматривать деятельность городских низовых акторов в контексте данного направления. Эволюция эта постепенно происходила и в рамках парадигмы коллективного поведения.

Так, в рамках подхода последовательно разрабатывались различные теории – теории коллективного поведения, массового общества и относительной депривации. При этом восприятие самих общественных движений и их участников со временем менялось.

Представители теории коллективного поведения, которая появилась и начала развиваться одной из первых в рамках одноименной парадигмы, рассматривали общественное движение как одну из форм внеинституционального стихийного коллективного поведения, наряду с толпой и публикой [4].

Для сторонников теории массового общества общественные движения – особое явление, характеризующееся временным объединением неорганизованных индивидов для осуществления изменений в социальной жизни [5], «иррациональная реакция маргинальных личностей на экономико-социальные проблемы» [6]. Таким образом, участников общественных движений представители этой теории считали фанатичными и преимущественно маргинальными, а их поведение – иррациональным: «Фанатизм, состояние исступления, пылкая вера, ненависть и

нетерпимость», – так Э.Хоффер описывает сторонников радикальных изменений вне зависимости от их природы [7]. Само массовое общество рассматривается в рамках этой теории как общество отчужденных и изолированных индивидов, в котором коллективные проявления являются скорее девиацией, чем нормой.

Теория относительной депривации, разработанная Т. Гурром в начале 1970-е годов [8] в русле парадигмы коллективного поведения, критически переосмыслила постулаты предшествовавших ей теорий. Был сделан вывод, что основной причиной возникновения движений является накопленная неудовлетворенность групп населения или их относительная депривация. Сам концепт относительной депривации появился в результате попыток определить содержание понятия «структурная напряженность». Относительная депривация определяется как «Воспринимаемое акторами расхождение между их экспектациями (ожиданиями), т.е. благами и жизненными условиями, которых они, по их мнению, достойны, – и их возможностями, т.е. теми благами и жизненными условиями, которые им, по их мнению, доступны» [9]. В результате этого расхождения образуется напряженность, находящая свой выход через участие в общественном движении. Экспектации возникают при сравнении своего положения с неким эталоном – например, с положением других индивидов или групп, со своим положением в прошлом. Именно эта субъективная оценка своего неблагополучия – относительная депривация – считает Т. Гурр, может стать фактором возникновения движения, более значимым, чем объективные условия.

Анализируя факторы формирования общественных движений, Н.Смелзер разработал собственную синтетическую модель, «теорию добавленной стоимости». Она воспроизводит процесс создания товара из сырья, включающий в себя строгую последовательность операций, каждая из которых создает добавленную стоимость, и все они необходимы для создания конечного продукта. Такое сопоставление нужно, чтобы описать необходимые и достаточные условия возникновения коллективного поведения и общественного движения, 6 последовательных факторов:

- структурная проводимость (structural conduciveness) – предрасположенность социальной системы к возникновению общественных движений того или иного типа;
- структурная напряженность (structural strain) – наличие неопределенности, деприваций, конфликтных отношений и противоречий в обществе;
- рост и распространение генерализованных убеждений (generalized beliefs) –

идеологической основы внеинституционального и иррационального коллективного поведения. От типа убеждений зависит тип движения: нормо-ориентированных движения рождаются на основе убеждений о необходимости корректировки или смены социальных норм; ценностно-ориентированные движения – результат убеждения, направленных на ценностные изменения в обществе;

- ускоряющие факторы (precipitating factors) – случайные факторы, способствующие внезапному взрыву возмущения, или реформы сверху, приводящие к изменению статуса какой-нибудь социальной группы;

- мобилизация участников на действия (mobilization of participants for action), в которой важна роль лидера. Этот фактор был глубже проанализирован позднее, в рамках теории коллективного действия;

- действие сил социального контроля (the operation of social control) – «все контрдетерминанты, которые не допускают, мешают, прерывают или препятствуют действию всех факторов, описанных выше» [10] – армия, полиция, суды и другие структуры власти.

В рамках парадигмы коллективного поведения была описана т.н. модель конвергенции (Дж.Гарни, К.Тирни, Р.Хеберле) [11], согласно которой социально-психологические характеристики участников движений изначально принципиально отличают их от не готовых вовлекаться в них индивидов. В связи с этим они и объединяются в общественное движение. Первоначально движениям приписывалась роль защиты для фрустрированной личности, а под специфическими чертами понимались иррационализм, маргинальность, отчуждение, авторитаризм. С развитием научного направления и ростом его эмпирической базы тезис об иррациональности участников был отвергнут. Более поздние модели участия строятся на иных социально-психологических характеристиках.

Вот несколько примеров предпосылок участия. Американский социолог С. Липсет упоминает авторитаризм как свойство личности или группы. Это социально-психологическая особенность низших классов общества (Липсет писал, в первую очередь, о рабочем классе), которую характеризует «повышенная внушаемость, отсутствие ощущения прошлого и будущего (крайняя недостаточность длительной временной перспективы), неспособность к усвоению сложных точек зрения, значительные трудности в абстрагировании от реального опыта и отсутствие воображения (неспособность к внутренней «переработке» опыта) [12]. Еще одна

предпосылка – поиск людьми идентичности и новых форм коллективности в ситуации социальной изоляции, процесс идентификации себя с движением (в понимании У.Корнхаузера, Р.Нисбета, О.Клаппа). Другой возможный мотив – солидаризация с ценностями-целями движения (Г.Кантрил, К.Кенистон). Наконец, сама относительная депривация может стать фактором участия в движении (Дж.Гешвендер, Л.Зурхер и К.Кирпатрик, Дж.Дэвис, Т.Гурр) [13].

Возникновение модели относительной депривации ознаменовало эволюцию взглядов и отказ от тезиса об иррациональности природы участия в движениях [11], о связи протестной активности участников с недостатками их социализации и низким социальным статусом. Авторы концепции подчеркивают, что участники – социализированные индивиды, которыми движет желание восстановить социальную справедливость.

Однако все описанные выше варианты модели конвергенции исходят из предпосылки о том, что общественное движение – гомогенное в социально-психологическом плане образование, объединяющее носителей идентичных установок. Социологи Р.Тернер и Л.Киллиан подвергли критике это упрощенное представление о психологии участников движения, показав разнообразие мотивов участия [14], обозначив среди них как сугубо личные установки, так и связанные с целями движения. Они заключили, что участники общественных движений могут иметь самые разные обстоятельства жизни, убеждения и мотивацию. Мы предположили, что подобным образом дело обстоит и с мотивацией участников городских проектов – мотивы разнообразны и индивидуальны, однако в ходе исследования можно описать основные из них.

В рамках парадигмы коллективного поведения предлагались различные классификации общественных движений. Так, Г.Блумер выделял общие и специфические движения. Первые – это своего рода «форма не координируемых усилий многих людей, объединенных общей направленностью» [15], процесс ценностных и культурных изменений в жизни общества. Такие движения не каких-либо конкретных программных установок, а порождаемые ими форматы действий хаотичны и не всегда имеют конкретную цель. Однако, они воздействуют в долгой перспективе на ценности, приоритеты, потребности в обществе и формируют фундамент для возникновения специфических движений. К общим можно отнести феминистское, пацифистское, рабочее движения.

Специфические движения проявляют себя в ситуации, подготовленной ценностным сдвигом. Они, как правило, имеют четкую цель, которая требует формирования более четкой организационной модели с определенными ролями и нормами. Эти движения, в свою очередь, делятся на реформаторские и революционные, в зависимости от радикальности их действий, масштаба целей и отношения к существующим социальным институтам. Деятельность первых ориентирована в большей степени на конкретные цели и решение проблем в обществе при сохранении текущего социального порядка, тогда как деятельность вторых направлена на изменение существующих институтов и социального порядка в целом.

Еще один тип движения по Блумеру – экспрессивные. Они не преследуют цели добиться каких-либо социальных изменений, и с психологической точки зрения служат для выражения напряженности и беспокойства, породивших их, через ритуализированное поведение. Примерами таких явлений Блумер называет религиозные движения и моду.

Классификация Дж.Гусфилда в какой-то мере похожа на ту, что предложил Г.Блумер. Он выделяет ненаправленное движение – общий тренд на изменения в какой-либо социальной сфере – и движение-ассоциацию, в основе которого лежит, по сути, целенаправленная организационная деятельность [16]. Отчасти такая классификация применима и для описания городского низового активизма.

Типология Н.Смелзера строится на его концепции обобщенных верований (убеждений), присущих участникам движения [10], о которой упоминалось выше. Согласно данной типологии, движения могут быть ценностно-ориентированными – нацеленными на изменения ценностей в обществе, и нормо-ориентированными – предполагающими реформаторскую деятельность в конкретной сфере. Предположительно, цели городских низовых акторов также связаны как с изменением ценностей и представлений в связи с какой-либо сферой городской жизни, так и с возможностью напрямую преобразовывать какую-либо сферу жизни города или саму городскую среду; возможно также, что некоторые из городских низовых акторов сочетают эти цели в своих проектах.

Также сторонниками парадигмы коллективного поведения предлагались модели жизненного цикла движения.

По мнению Г.Блумера, процесс развития движений можно представить следующим образом:

- Возникновение в виде элементарной формы коллективного поведения (возбужденная толпа, биржевая паника, состояние военной истерии, действия людей в обстановке социальной напряженности). Движение «плохо организовано, не имеет четкой формы, в его основе – элементарные формы коллективного поведения, подобным тем, что присущи толпе» [15].

- Приобретение свойства институциональной структуры – формирование организаций, традиций, норм, ролевой структуры и лидерства.

- Формулирование идеологии и ценностей движения, возникновение нового образа жизни, связанного с движением.

Механизмы развития движения – «круговая реакция», коммуникация, подражание, заражение.

Американские социологи К.Доусон и У.Геттис выделяют четыре стадии развития движений [17]:

- социальное беспокойство (social unrest) – спонтанный характер массовых действий, неясность причин недовольства и способов разрешения напряженности, агитаторская роль лидера;

- массовое возмущение (popular excitement) – учащение массовых выступлений и формулирование их целей, осознание причин социальной напряженности, определение путей преобразований и идеологии движения, пророческая или реформаторская роль лидера;

- формализация (formalization) – возникновение организации движения, появление норм и тактики, административная роль лидера, формирование ролей участников организации;

- институционализация (institutionalization) – усиление организационной составляющей, превращение движения в социальный институт или его признание и легализация.

Для городских низовых акторов также могут быть характерны подобные циклы развития. Далее в Разделе 3 будет рассмотрена модель развития НКО, которую интересно распространить и на генезис городских низовых акторов, и которая во многом повторяет циклы развития общественных движений.

Представителями парадигмы коллективного поведения анализировались также функции общественных движений и критерии их эффективности. Дж. Гусфилд выделил: а) явные функции – связанные с достижением целей, заявленных в

идеологической доктрине движения и б) латентные функции, связанные с привлечением внимания населения к проблемам, поднимаемым движением, декларируемым им ценностям и нормам, а также с формированием сильных лидеров, потенциальных кадров для политической элиты [18]. На материале эмпирического исследования интересно сравнить указанные цели с теми, которые упоминают участники городских проектов; проанализировать, как их активистская карьера соотносится с этими моделями. (Гипотеза, включающая возможность использования этих моделей для описания городских проектов, подтвердилась лишь частично, подробнее в разделе 12).

Некоторые исследователи ставили тип результативности в соответствие типу движения. Так, если обратиться к типологии Блумера, можно сказать, что успех специфических движений связан с реализацией конкретных заявленных целей, он измерим. По мнению Р. Тернера и Л. Киллиана такие движения ориентированы как на достижение поставленных целей, так и на обеспечение поддержки населения. Авторы подчеркивают особую сложность в достижении обоих типов результатов [12]. В свою очередь, общие движения связаны с постепенными ценностными и социокультурными изменениями, не поддающимися измерению и оценке в логике успеха и поражения. Возможно, однако, рассуждать о влиянии таких движений на общество или отдельных личностей. Исследуемые нами городские проекты можно соотнести со специфическими движениями, так как в первую очередь они направлены на достижение конкретных результатов, изменений в городской среде или какой-либо сфере городской жизни.

Парадигма коллективного поведения стала предтечей нового научного направления – социологии общественных движений. Эта парадигма описывает общественные движения как стихийные и внеинституциональные, а их участников – как личностей фанатичных и маргинальных или подверженных относительной депривации. Вместе с тем, в рамках данной парадигмы был выдвинут ряд идей, ценных для дальнейшего анализа общественных движений: идея изменений в социальной жизни снизу; выраженной в действиях реакции представителей общества на экономико-социальные проблемы; объяснение мотивации к участию в движениях через разделяемые общие убеждения, ценности и цели, общую идентичность; модель жизненного цикла социального движения.

2 Парадигма коллективного действия (организационный подход)

В рамках *парадигмы коллективного действия (организационный подход)* социальные движения осмысливались как особое социально-политическое явление.

Ее основоположниками считаются американские ученые Дж. МакКарти, Ч. Тилли, Э. Обершол, У. Гэмсон, М. Залд, Э. Томпсон, Д. МакАдам.

Данная парадигма сформировалась и стала популярной к середине 1970-х гг. на волне политических конфликтов 1960-х – начала 1970-х гг, которые изменили понимание природы общественных движений и показали несостоятельность старых объяснительных моделей. Общественные движения по-прежнему, как и в рамках парадигмы коллективного поведения, наделяются ролью агента социальных изменений, однако роль эта не маргинальна, она не свидетельствует о дисфункциях социальной системы, а является интегральной частью ее нормального функционирования [19]. Движения перестают восприниматься как нечто иррациональное, кратковременное и нетипичное для демократического общества, становясь легитимной частью политической системы. В результате институционализации движений образуются новые организационные структуры – организации социальных движений. Новый подход, во многом заимствующий положения организационной теории, рассматривает внутреннее устройство общественных движений – факторы роста, упадка, динамики, а также их тактику и стратегию [20]. Впервые в это время социологи, лояльно настроенные к самим движениям, ставят себе целью не только их всестороннее исследование, но и поддержку их практическими рекомендациями. Многие из моделей, предложенные в рамках этой парадигмы, и прежде всего, модель мобилизации ресурсов и модель политических возможностей, возможно использовать для анализа деятельности городских низовых акторов – целей, средств их достижения, барьеров и вызовов, внешнего контекста.

В рамках организационного подхода можно выделить несколько основных постулатов. Американский социолог Дж. К. Дженкинс выделял следующие общие положения парадигмы [21].

Общественное движение – не форма коллективного поведения, а тип

коллективного действия. Действие рационально и подлежит планированию, в отличие от спонтанного, стихийного поведения. Действия участников движения зависят от того, как они оценивают сложившуюся ситуацию и собственные ресурсы. Привлечение в движение новых людей происходит посредством материальных и моральных стимулов.

Между институциональными и внеинституциональными коллективными действиями отсутствует принципиальное различие. Внеинституциональные формы коллективных действий являются продолжением политики социальных субъектов (в данном случае, низовых акторов) неинституциональными способами там, где официальные политические каналы оказываются неэффективными и неактуальными. Движения используют также и традиционные каналы представительства и борьбы за свои интересы.

Общественное движение, согласно Дж.К.Дженкинсу, – это конфликтный тип коллективного действия, в его основе – конфликт интересов между социальными субъектами (низовыми акторами) и властью.

Структурную напряженность, абсолютную и относительную депривацию, революционную или реформаторскую идеологию нельзя считать причинами возникновения движений. Для мобилизации внутри общества должны сформироваться экономические, политические и организационные возможности, которые затем превращаются в ресурсы движения и используются рационально действующим субъектом (актором) для достижения поставленных целей. Таким субъектом является организация общественного движения, характеризующееся четкой структурой и наличием конкретных целей и программы деятельности.

Сама организация является одним из основных ресурсов. Более того, отмечается, что общественное движение можно считать сформировавшимся только тогда, когда существует организация. Через нее же воплощается рациональный характер движения.

К парадигме коллективного действия относят две основных теории (или модели - они применяются на практике) – теорию мобилизации ресурсов (Дж. МакКарти, М. Залд, Э.Обершол) и теорию политического процесса (Ч. Тилли, Д. МакАдам, У. Гэмсон). Каждая из них по-своему трактует природу коллективного действия и общественных движений, однако стоит считать их скорее взаимодополняющими, чем взаимоисключающими.

Основной фокус теории мобилизации ресурсов направлен на анализ организационных аспектов формирования и развития движений, а также используемых ими внешних и внутренних ресурсов. Общественные движения рассматриваются с позиций рационализма, согласно которым в обществе действуют организационные единицы, объединяющие рациональных субъектов (например, граждан и их сообщества).

Согласно модели мобилизации ресурсов (Дж. МакКарти, М. Залд), основанной на теории рационального выбора, субъект действует на основе подсчета издержек и выгод от своего поведения. Кроме того, представители этой модели существенную роль в процессе мобилизации отводили лидерам-организаторам движений. В рамках этой теории были сформулированы понятия: общественное движение и контрдвижение, организация, отрасль и сектор общественных движений.

Общественное движение для авторов подхода – это «совокупность мнений и убеждений людей, которые отражают стремление к изменению социальных институтов или общественной структуры» [20]. Такое определение говорит скорее о существовании установки на социальные изменения, чем о конкретных действиях по достижению этих изменений.

Общественному движению противостоит «контрдвижение», которое Дж. МакКарти и М. Залд определяют, как «совокупность мнений и убеждений, противоположных тем, что выражены в общественном движении» [20]. Действия движения, в основе которых лежит стремление к социальным изменениям, носят проактивный характер, а действия контрдвижения, направленные на сохранение существующего порядка и противостояние изменениям, – охранительный.

В рамках теории мобилизации ресурсов вводятся также понятия, связанные с организационной природой движений: организация, отрасль и сектор общественных движений.

Организация общественного движения (social movement organisation, SMO) – это «формализованная структура, идентифицирующая свои цели с тем или иным движением или контрдвижением» [20]. Дж. МакКарти и М. Залд приводят такой пример общественного движения и организаций общественного движения: движение за права чернокожих американцев, организации Конгресс Расового Равенства (the Congress of Racial Equality, CORE), Национальная ассоциация развития людей с другим цветом кожи (the National Association for the Advancement of Colored People

(NAACP) [20].

По мнению сторонников подхода М. Залда и Р. Эша формирование организационных структур связано с теми целями, которые ставятся общественными движениями. Движения, нацеленные на изменение ценностей и личности, более склонны к децентрализованным структурам, те же, что преследуют политические цели, чаще всего являются централизованными и открытыми для участия [22]. Кроме того, в рамках одной отрасли движения могут сосуществовать организации разного типа. Основная задача организации общественного движения – мобилизация ресурсов для достижения его целей движения [20]. Она преобразует возможности и обстоятельства, предоставляемые обществом (неподконтрольные факторы деятельности), в ресурсы (подконтрольные факторы) [6].

Рассмотрим подробнее понятия «мобилизация» и «ресурсы». Мобилизация, то есть процесс аккумуляции и использования ресурсов (включая базу участников), о котором шла речь выше, считается главной отличительной чертой движений. Это связано с отсутствием стабильного состава участников и ресурсной базы – борьба за ресурсы в конкурентной среде, их аккумуляция и эффективное применение составляет значительную часть их деятельности. Ч. Тилли определял мобилизацию предельно широко, видя в ней процесс перехода из одного состояния в другое, «процесс, посредством которого группа преобразуется из пассивного собрания индивидов в активного участника гражданской жизни» [23]. К. Дженкинс же напрямую связывал мобилизацию с контролем над ресурсами, видя в этом «процесс, благодаря которому группа сохраняет коллективный контроль над ресурсами, необходимыми для коллективных действий» [24]. В свою очередь, ресурсы – это «возможности, которые предоставляет движению общество и которые организация может сознательно использовать» [25]. Правильно их использовать и приумножить – одна из основных задач организации общественного движения. Существуют различные классификации ресурсов общественных движений: их разделяют на внешние и внутренние, материальные и нематериальные, ресурсы контроля и ресурсы мобилизации [22]. Б. Эдвардс и Дж. МакКарти выделяют моральные, культурные, организационные материальные, человеческие [26].

Среди основных ресурсов общественных движений – структуры гражданского общества, база движения и коммуникативная сеть для рекрутирования участников, сами потенциальные участники, разделяющие её ценности и цели, время, земля,

капитал. Можно также назвать специфический именно для движений ресурс – коллективное действие, наличие которого способно компенсировать недостаток организационных и идеологических ресурсов. По словам С. Тэрроу, «лишь само коллективное действие с его экспрессивной и побудительной силой приводит к участию людей в общественном движении» [27].

Продолжая организационную логику, отметим, что совокупность организаций, объединенных общей целью, составляет отрасль общественных движений, организационный аналог общественного движения. Совокупность отраслей же формирует сектор общественных движений.

Еще одна теория, которая получила развитие в рамках парадигмы коллективного действия, – теория политического процесса американских социологов и политологов Ч.Тилли, Д.МакАдама, С.Тэрроу [23; 28; 29]. Они исследовали взаимодействие институционализированных политических структур и общественных движений.

Один из основоположников теории Ч. Тилли понимает коллективное действие как «совместное действие, направленное на достижение общих целей» [23], подчеркивая их коллективный целенаправленный характер и связь с ситуацией проблемы или конфликта. Он связывает понятие «коллективное действие» напрямую с такими понятиями, как «интересы», «мобилизация», «организация».

В его определении общественного движения подчеркивается идея конфликта или противостояния, а также обозначены стороны этого политического процесса: «Общественное движение – это повторяющийся ряд взаимодействий между представителями власти и личностями, которые выступают от имени социальной группы, не имеющей институционального представительства, с требованиями изменения властных структур, подкрепляя свои требования публичными демонстрациями массовой поддержки» [30]. Тилли выделяет такие компоненты общественного движения, как: 1) цели движения; 2) субъекты, объединенные общими интересами (участники); 3) акции. Подобно представителям теории мобилизации ресурсов, он утверждает ключевую роль организации общественного движения: «организация столь же важна для общественного движения, как партия для избирательной кампании или армия для военных действий» [31].

В рамках теории политического процесса вводится несколько новых базовых для направления социологии общественных движений понятий – политические возможности, репертуар действий, мобилизирующие структуры и протестный цикл.

Ключевой для теории является концепция структуры политических возможностей.

Вероятность возникновения общественных движений, формат и эффективность их деятельности связана с политическими возможностями. С. Тэрроу определяет политические возможности как «целостный, но не обязательно формальный, постоянный и всеобъемлющий, ряд факторов, стимулирующий людей к участию в качестве субъекта политического процесса» [32]. По его мнению, политические возможности являются основным условием для возникновения общественных движений, наличие которого способно компенсировать недостаток или отсутствие других условий. При наличии благоприятных для движения политических возможностей, его затраты на мобилизацию уменьшаются, и наоборот, возрастают при наличии сдерживающих их политических условий. Д. МакАдам обозначил следующие характеристики политических возможностей: 1) относительная открытость или закрытость институциональной политической системы; 2) стабильность или нестабильность элитных групп; 3) наличие или отсутствие у этих групп союзников; 4) возможность и склонность государства к репрессиям [32].

Мобилизирующие структуры (Д. МакАдам) – это формальные и неформальные структуры, способствующие мобилизации и вовлечению людей в коллективное действие, к которым можно отнести группы потенциальных участников, сети и организации, из которых формируется общественное движение [33]. В наше время эту роль в значительной мере берут на себя интернет-каналы и социальные сети.

Репертуар коллективных действий (Ч. Тилли) [23] – это различные формы коллективного действия, доступные общественным движениям, набор которых определяется внешним контекстом, в том числе: обращения к органам власти, собрания, митинги и шествия, сидячие забастовки и одиночные пикеты.

Протестный цикл (С. Тэрроу) [34] – это цепь различных фаз усиления конфликта, которые связаны с вовлечением новых все менее мобилизованных групп, созданием новых или трансформацией старых форм действия, сочетанием организованного и неорганизованного участия, ростом информационных потоков и учащением взаимодействия между представителями движения, и органами власти» [32]. Если проблема, вокруг которой сформировалось движение, устранена, его деятельность становится рутинной, а затем либо институционализируется, либо прекращается.

В парадигме коллективного действия также оценивалась эффективность и

результативность общественных движений. У. Гэмсон на основе эмпирического анализа [35] выделил два критерия успеха: достижение целей, поставленных перед собой самим движением, и формальное признание легитимности организации общественного движения.

Он выделил 4 типа вероятных результатов деятельности движения.

- полный успех – цели движения достигнуты, а оно само признано властями и оппонентами;
- цели движения не достигнуты, однако оно само добилось признания;
- опережение или упреждение (preemption) – цели движения достигнуты, однако само оно не признается оппонентами;
- поражение движения.

Г.Китчелт выделяет другие критерии результативности, связанные с воздействием движений на общество [36]. Он выделяет три типа воздействия:

- процедурное – формирование новых каналов политического участия и признании легитимности движения;
- содержательное – достижение первоначальных целей движения и связанные с ним политические изменения;
- структурное – изменение самой структуры политических возможностей — степени открытости и силы политического режима, вероятности поддержки союзников, политической стабильности.

Важно также упомянуть о теоретических и практических методах, которые использовались и продолжают использоваться в рамках парадигмы коллективного действия и во многом повлияли на трансформацию взглядов на общественные движения. Прежде всего, в становлении этой модели сыграли свою роль историко-социологические исследования общественных движений в странах Западной Европы. Эмпирические исследования фокусировались на анализе отдельных движений (case-study) с использованием анкетирования, глубинного интервью, участвующего наблюдения, кабинетного анализа документов движения и упоминаний в прессе. Как в теоретических, так и в эмпирических исследованиях широко использовался метод сравнительного анализа движений, в том числе, движений в разных странах. Одной из методологических проблем, связанных с изучением движения, стала проблема субъективизма, а также проблема ангажированности исследователя, которая в разное время разными исследователями решалась по-разному.

Таким образом, наиболее значительным вкладом парадигмы коллективного действия является признание общественных движений значимым самостоятельным участником общественных и политических процессов, а значит, и признание права на низовое политическое и общественное участие в целом, – затем этот взгляд распространится и на неполитический активизм, разновидностью которого являются исследуемые нами городские проекты.

Общественные движения признаются рациональными, их функционирование объясняется не через понятие коллективного стихийного поведения, а через понятие действия или даже деятельности – рациональной и планируемой, устойчивой, основанной на убеждениях. В тех же терминах мы можем описывать и анализировать функционирование городских низовых акторов и осуществляемые ими городские проекты.

Организационный подход позволил обратиться к изучению внутренней структуры и природы деятельности общественных движений, в логике проектной городской деятельности взгляд с точки зрения этого подхода кажется нам наиболее подходящим. Концепция мобилизации ресурсов разного рода, внутренних и внешних, также хорошо может объяснить логику проектной работы низовых городских акторов.

Вместе с тем для организационного подхода характерна идея примата организации, т.к. только при ее наличии движение считается сформировавшимся. Вместе с тем, М. Залд и Р. Эш предлагают такое различие: движения, нацеленные на изменение ценностей и личности, более склонны к децентрализованным структурам, те же, что преследуют политические цели, чаще всего являются централизованными и открытыми для участия [22]. Еще одно из важных завоеваний парадигмы связано с идеей участия общественных движений в политическом процессе, концепцией политических возможностей.

3 Парадигма новых общественных движений

В 1980-х в Европе возникла *парадигма новых общественных движений* (*парадигма идентичности, ценностный подход, европейская парадигма*). Ее представители: А. Турен, М. Кастельс, Э. Гидденс, К. Оффе, Д.Рухт, А. Мелуччи, А. Пиззорно, М. Вивьерка, Х. Кризи и др.

Ее появление было обусловлено трансформациями, которые произошли в европейском обществе в это время. Новые вызовы, обострение проблем экологии, войн и конфликтов, соблюдения прав человека, привели к смещению фокуса активности от реализации прагматических политико-экономических интересов к формированию новых ценностей и мировоззренческих установок. Результатом стало возникновение в 1970–1980-х гг. в Западной Европе социальных движений нового типа (экологических, пацифистских, гендерных), которые и стали объектом исследования в рамках новой парадигмы.

Европейские исследователи обратились к изучению нематериальных факторов возникновения и функционирования общественных движений – идентичности, ценностных ориентаций, культурных особенностей. Эта проблематика уже освещалась в рамках парадигмы коллективного поведения, однако, по сравнению с традиционным подходом, в новой парадигме общественные движения признавались полноценными участниками развития общества. Спонтанность мобилизации и низовой характер инициатив, внеинституциональность движений, по мнению представителей подхода, не противоречат его рациональности.

Обобщив характеристики новых общественных движений, предложенные Здравомысловой Е.А. [13] и Скоковой Ю.А. [4], выделим из них ключевые. Новые общественные движения сфокусированы на ценностях нового типа, постиндустриальных и нематериальных. Экономические и политические цели ставятся значительно реже. Новые ценности связаны с отношением человека к самому себе, обществу и окружающей среде, они касаются проблем экологии, городской среды, прав человека, условий жизни и т.д.

Изменились также взгляды на состав участников движений. Согласно одной из точек зрения, социальную базу движений составляет прежде всего «новый» средний класс, занятый в непроизводственном секторе экономики.

Согласно другой точке зрения [37], в состав потенциальных участников также входят представители т.н. «старого» среднего класса (мелкие предприниматели, собственники), а также студенты, домохозяйки, пенсионеры. Предполагается также, что новые движения стали полем формирования новой социальной общности, предтечей нового класса.

Формы коллективных действий носят принципиально внеинституциональный характер, традиционные политические каналы и механизмы принятия решений практически не используются. Это связано не с ограничением доступа к традиционным формам политического участия, а с тактикой движения – такие формы признаются участниками малоэффективными. В целом, согласно парадигме новых общественных движений, внеинституциональность можно считать одним из основных признаков новых движений. Их коллективные действия, ценности, цели, организационные структуры, внеинституциональны или даже антиинституциональны, направлены против общественных институтов.

Новые общественные движения избегают жестких организационных форм и иерархий, их ценностям и целям соответствуют принципы организационной децентрализации, самоуправления, горизонтальных коммуникаций, коллегиальности принятия решений. Если говорить о структуре, то для новых общественных движений характерно формирование небольших по численности неформальных групп, которые объединены горизонтальными координационными и коммуникативными связями. Именно такими группами, как правило, и реализуются городские, направленные на развитие физической среды (не на защиту) проекты.

Еще одним специфическим признаком новых общественных движений в контексте современного общества является размытие границы между индивидуальными и коллективными вопросами. Многие индивидуальные явления и события, связанные с правами человека, семейными отношениями, сексуальной ориентацией становятся предметом публичного дискурса, а влияние на взгляды с ними связанные -- целью коллективных действий.

Еще одной чертой новых движений, связанных с проблемами и противоречиями модернизации, можно считать их двойственный: одновременно наступательный (проактивный) и защитный (реактивный) характер.

А. Турен выделил несколько основных признаков новых общественных движений [38, 39]:

- Идентичность, или «осознанное самоопределение социального субъекта» [39]. Групповую идентичность, формирующуюся в процессе взаимодействия участников на основе общих ценностей и взглядов, а также понимания ключевого конфликта, ученый считал определяющей характеристикой общественных движений. Самоидентификация движения означает осознание им самого себя в качестве социального субъекта, актора исторического процесса.
- Оппозиция, т.е. поиск и идентификация истинного противника движения. Обычно под таким противником мыслится некая социальная сила, связываемая с государством. Она выступает оппонентом движения в ценностном конфликте.
- Тотальность – проблематика социального конфликта между движением и оппозицией [39].

Важно подчеркнуть, что для представителей парадигмы основным предметом является не столько природа новых общественных движений, сколько общество постмодерна, в контексте которого они возникли и на которое влияют. Впервые по сравнению с более ранними подходами социальные движения стали рассматриваться в широком институциональном, историческом, культурном и политическом контексте. В рамках описываемой парадигмы их можно рассматривать как своего рода ответ на социальные изменения эпох позднего модерна и постмодерна. Возникновение новых движений исследуется учеными в связке с общими институциональными изменениями этого времени и формированием новых социально-политических структур. В то же время, сами движения признаются источником изменений – социальных, культурных, ценностных, политических. Таким образом, движения исследуются с двух позиций: как показатель появления нового общества и как формирующая его сила.

Характерным для европейской парадигмы (парадигмы новых общественных движений) является подход к общественным движениям как к коллективным акторам, сформировавшимся в рамках гражданского общества и основанным на коллективной идентичности [40], что можно отнести и к реализаторам городских проектов.

Парадигма новых общественных движений включает несколько теорий, объединенных общими постулатами. Можно выделить два основных направления, связанных с различным пониманием постиндустриального общества.

Первое направление, связанное с именами А. Турена и М. Кастельса, основано на представлении о существовании нового центрального социального конфликта в

западном обществе, который выражается через деятельность общественных движений. По мнению А.Турена, общество – многоуровневая система социального действия, создающаяся через конфликт между социальными субъектами. Он считает, что современному обществу присущ т.н. «культурный конфликт» между доминирующими и альтернативными ценностями и нормами. [41]

Другое направление, разрабатываемое А. Мелуччи, рассматривает общество как сложную систему (complex society), в которой все социальные сферы и группы монополизированы властью, и конфликты множественны: нельзя выделить один центральный конфликт. В связи с этим постулируется идея многозначности, «полиидентичности» и полисубъектности движений.

А.Турен предложил также свою типологию общественных движений, основанную на сочетании таких признаков движений, как идентичность и антиинституциональность. Выделяется четыре типа общественных движений [41]:

- Движения социального освобождения. Радикальный протест против социальной системы и общепринятых ценностей. В основе коллективной идентичности – альтернативная культура, сплачивающая и выделяющая участников движения.
- Революционные движения. Ориентированы на смену существующего политического режима. У таких движений нет какой-либо заметной коллективной идентичности.
- Движения культурной направленности. Характеризуется развитой коллективной идентичностью и культурно-ценностной базой. Антиинституционализм выражен слабо.
- Реформаторские движения. Слабо выражены как антиинституционализм, так и идентичность. В основе – задача стать частью существующей политической системы.

Новый подход к изучению общественных движений явился ответом на трансформацию западноевропейского общества, в результате которой возникли движения нового типа. Парадигма новых движений сместила фокус исследования на культурные и ценностные особенности общественных движений, когда стало ясно, что многие движения являются ценностно, а не политически ориентированными. Так сформировался не политический, а ценностный подход к анализу общественных движений т.п. «культурный поворот» развития теорий социальных движений. [42].

Кроме того, в рамках данного подхода, исследователи стремились к комплексному изучению как самих общественных движений, так и общего социального, политического и культурного контекста, а также их взаимного влияния. Вклад новой парадигмы заметен и в области методологии. Помимо традиционных социологических методов, в рамках парадигмы идентичности разрабатывались новые акционистские методы изучения общественных движений. Так, А. Турен разработал метод «социологической интервенции» (*intervention sociologique*) [38], подразумевавшей внедрение социологического знания в деятельность общественных движений, помощь им в самоанализе, идентификации целей и ценностей, противников и союзников.

Данная парадигма сформировала т.н. «культурный поворот» в социологии общественных движений. Во главе угла для ее представителей – понимание нематериальных факторов возникновения и функционирования общественных движений, – коллективной идентичности, общих культурных особенностей, схожих ценностных ориентаций участников. Движения возникают в рамках культурных и ценностных конфликтов, конфликтов идентичностей, преследуя целью постулирование и отстаивание разделяемых интересов. Возникновение и функционирование городских проектов также связано, прежде всего, с нематериальными факторами и общими убеждениями, с отстаиванием тех или иных связанных с городской средой позиций. Исходя из этого понимания возможен анализ их деятельности и мотиваций участников. Важно также отметить, что ценность комфортной и гармоничной среды обитания, и прежде всего, городской среды; ценность участия в их формировании, которые лежат в основе деятельности городских низовых акторов, описываются в рамках парадигмы как новые ценности, характерные именно для новых общественных движений.

Неформальность и горизонтальность организационной структуры, избегание жестких организационных форм и иерархий описываются как характерные для новых общественных движений. Эти же принципы присущи большинству низовых неформальных городских акторов.

В целом можно сказать, что природа новых общественных движений наиболее близка к природе городских низовых акторов – именно поэтому мы можем заимствовать многие базовые концептуальные модели парадигмы новых общественных движений. Однако для общественных движений характерна, прежде

всего, конфликтная направленность и антиинституциональность и соответствующий репертуар действий, в отличие от деятельности городских низовых акторов, которая в значительной степени созидательна и редко преследует целью изменение социальной или политической структуры в целом.

Среди других теорий, не полностью вписывающихся в представленную классификацию, стоит упомянуть теории фреймов и режимов вовлеченности.

Концептам структурной напряженности и относительной депривации (эти понятия раскрыты выше), выражающим недовольство индивидов, авторы классических парадигм социальных движений отводили значительную роль в возникновении движений [10]. Однако, как отмечал Д. Сноу, в этих подходах уделяется слишком много внимания формам социально-психологического проявления недовольства, и в то же время игнорируется факт того, что недовольство или неудовлетворенность являются предметами разнообразных интерпретаций, а также того, что вариации этих интерпретаций, которые порождаются индивидами или организациями общественных движений, а также временной контекст, могут влиять на действия этих индивидов и организаций [43]. Теория фреймов была применена в рамках исследований общественных движений с целью компенсировать эти концептуальные лакуны.

Данная теория впервые в социологии была сформулирована Ирвингом Гофманом. Понятием фреймы («рамки») ученый обозначает те схемы интерпретации, которые позволяют «локализовывать, воспринимать, определять» какое-либо событие или явление в собственном жизненном пространстве [4]. Индивидуальный фрейм выступает своего рода «призмой», опосредующей взгляд человека на мир, формирующей его восприятие и интерпретации.

В социологии общественных движений используются понятия «индивидуальный фрейм» и «фрейм коллективного действия».

Так, например, авторы российской монографии 2010 г. «От обывателей к активистам» [44] использовали понятие индивидуального фрейма для описания процесса превращения человека, не вовлеченного в социальные движения, в активиста. Карин Клеман дала фреймам такое определение: «Фреймы («рамки») – это

совокупность привычных практик, латентных смыслов действий и взаимодействий в определенной ситуации, которые воспринимаются как должные участниками взаимодействия. <...> Люди в обычных для них ситуациях действуют в привычных рамках (фреймах) по инерции, даже не осознавая причин и ограничений своих поступков. Для того чтобы они поставили эти «рамки» под сомнение, необходимы особые условия, определенные ситуации» [44]. Сам процесс изменения установок и ценностей активистов они назвали рефреймингом, или фреймтрансформацией.

Для анализа возникновения и дальнейшей деятельности общественных движений важно использовать оба концепта – индивидуальные фреймы, фреймы коллективного действия, а также анализировать их слияние. Представители движения используют фреймы для «выделения, наделения собственным значением или интерпретации значимых событий и явлений с целью мобилизации потенциальных сторонников и участников, упрочения поддержки от сочувствующих и демобилизации оппонентов» [45]. Проблематизация социальной ситуации, таким образом, становится результатом сознательной интерпретативной деятельности, «стратегических усилий групп людей по конструированию разделяемых ими схем понимания мира и самих себя, которые легитимируют и мотивируют коллективное действие» [46], сами активисты и общественные движения играют роль «актеров построения смыслов и значений» [4]. Используемые ими фреймы играют роль своего рода ресурсов вовлечения: желание и готовность потенциальных участников мобилизоваться будет зависеть от того, какое именно событие или явление будет интерпретировано как проблема, и какое ей будет приписано значение. Фрейм коллективного действия является неким общим видением проблемной ситуации, которое вырабатывается в результате совместных действий и обсуждений между различными акторами: участниками движения, их противниками, контрагентами, он обладает свойствами интерактивности и коллективности. Это своего рода коллективная установка, помогающая непротиворечиво объяснять факты, отражать критику и легитимировать требования движения [47], а также мобилизовать его участников [48].

Исследователи Д.Сноу и Р.Бенфорд выделили три функции фрейма коллективного действия: диагностическую (проблематизация события или явления, мобилизация к ее решению), прогностическую (поиск решений проблем и установления консенсуса) и мотивационную (обоснование необходимости участия в

движении, мотивация и вовлечение людей) [45]. Процесс объединения фреймов (frame alignment) происходит, когда индивидуальные фреймы сторонников связываются с активистскими фреймами. Такая трансформация фреймов способна создавать новые общие смыслы, убеждения, ценности, которые мотивируют и солидаризируют участников движения. По сути, в процессе трансформации формируется новая коллективная идентичность [42].

Можно сделать вывод, что фрейм-подход предоставляет инструменты для анализа двух важных процессов, связанных с общественными движениями и активизмом: во-первых, процесса конструирования, распространения и институционализации коллективных фреймов лидерами и участниками движений, во-вторых, процесса трансформации индивидуальных фреймов и создания новой идентичности тех, кто впервые вовлекается в активистские практики.

С вышеописанным фрейм-подходом во многом соотносится теория режимов вовлеченности. Теория разработана Лораном Тевено в рамках французской прагматической социологии, которая стала развиваться с середины 1980-х годов в русле т.н. «культурного поворота». В рамках теории предполагается различать разные режимы вовлеченности, каждому из которых соответствует своя модель деятельности. Тевено называет три режима вовлеченности: режим близости; режим интенционального, или планового действия; режим публичного обоснования.

В зависимости от режима вовлеченности, люди по-разному строят взаимодействие между собой и по-разному оценивают одни и те же ситуации. По словам самого автора, теория «предоставляет теоретическую рамку анализа, которая позволяет рассматривать переключение из одного режима действия в другой без концептуального разрыва» [49]. В этом смысле режимы вовлеченности, как и фрейм-подход, позволяют через пристальное внимание к повседневным практикам, взаимодействиям, а также смыслам, которыми они наделяются, проследить изменение как общего восприятия проблемной ситуации, так и репертуара действий, связанных с ее интерпретацией.

Наиболее «слабый» с точки зрения социальной активности режим – режим близости, связанный с непосредственным устройством бытового мира человека – его ближайшее окружение, среда, в которой он живет и работает, близкие люди и даже вещи. «В «режиме близости» человек непосредственно взаимодействует с привычным окружением как дома, так и на работе» [50]. По мнению Гладарева, исследовавшего

градозащитные движения в Петербурге, первичный импульс к общественной активности возникает у будущего активиста «в результате «поломки» на уровне режима близости: «грубое внедрение в тело города» новостройки воспринимается как «личная обида», как вторжение «в частное пространство» и ощущается на уровне «физической боли», которая переключает человека в новый режим вовлеченности» [51].

Режим планового действия соответствует рациональному действию индивидуального субъекта, которое подробно исследовалось в экономической теории и в теориях рационального выбора. Деятельность в этом режиме интенциональна, то есть связана чаще всего с конкретной поставленной целью, она рациональна, а оценочные суждения этого уровня основаны на функциональности и результативности. При нарушении привычного ритма жизни извне человек старается решить эту локальную проблему, не выходя непосредственно на публичный уровень, путем выбора из уже существующего репертуара действий, например, путем прямого обращения в государственные институты, отвечающие за решение актуальной проблемы.

Наконец, режим публичного обоснования (публичной критики и оправдания) предполагает новый уровень вовлеченности – публичную артикуляцию своей потребности, что требует участия в публичной сфере, поиск единомышленников, выявление противников, формирование ценностной повестки. Этот режим основан на идее общего блага, общих принципов. «Вовлечение социальных акторов в режим публичной критики и оправдания предполагает переход от единичного к общему, выработку способностей к обобщению, к аргументации своей позиции с точки зрения разделяемых ценностей и шкалы оценивания» [51]. Городские проекты также можно анализировать через призму режимов вовлеченности. Так, например, локальный активизм часто связан с переходом от режима близости (свой дом, свой двор) к режиму публичного обоснования – к публичной артикуляции проблем и интересов, связанных с местом, к публичной активистской деятельности. Особенно часто это происходит в ситуациях, когда горожане испытывают ощущение вторжения в свою близкую сферу, в случае нежелательных преобразований на их локальной (присваиваемой ими) территории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы рассмотрели основные теоретические подходы социологии общественных движений. В рамках трех классических парадигм общественных движений: парадигмы коллективного поведения, парадигмы коллективного действия и парадигмы новых социальных движений – было выработано множество теоретических конструктов, объяснительных моделей и методологических схем.

Такие составляющие общественных движений, как ценности и цели деятельности, идентичность и мотивации участников, стремление к социальным изменениям, рассматривались в рамках парадигм коллективного поведения и новых общественных движений. Вместе с тем, эти два подхода обладали принципиальными различиями. Для представителей парадигмы коллективного поведения социальные движения являлись одним из проявлений коллективного поведения, аномальным по своей сути, а мотивом для участия в них считалось состояние структурной напряженности или относительной депривации. Для сторонников парадигмы новых общественных движений сами движения являются важной частью жизни современного общества, его проявлением и его движущей силой, основным же основанием для участия в них становятся новые ценности. Стоит также отметить, что исследованию самого общества постмодерна в парадигме новых общественных движений уделяется не меньшее внимание, чем исследованию природы движений.

В рамках парадигмы коллективных действий (мобилизации ресурсов) исследовались цели и ресурсы движений, их деятельность в рамках коротких мобилизационных циклов, репертуар институциональных и внеинституциональных практик; роли и взаимоотношения политических субъектов. К анализу структуры политических возможностей обращались сторонники теории политического процесса, интегративной части той же парадигмы.

Взгляд на общественные движения с позиции теорий фреймов и режимов вовлеченности помогает объяснять те мировоззренческие установки и те режимы, которые влияют на трансформацию потенциальных участников движений в активистов, на мобилизацию и солидаризацию их в рамках деятельности движений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Здравомыслова Е. А. Парадигмы западной социологии общественных движений. — «Наука», Санкт-Петербург, 1993. — 172 С
- 2 Blumer H. Social movements // Studies in social movements. A social psychological perspective / Ed. by B.McLaughlin. N.Y. 1969
- 3 Smelser N. Social and psychological dimensions of collective behavior // Essays in sociological explanation Englewood Cliffs. Prentice Hall. 1968
- 4 Скокова Ю. А. Социология общественных движений: возможности и ограничения основных теоретических концепций // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 132-140. Режим доступа: http://socis.isras.ru/files/File/2014/2014_3/132-140_Skokova.pdf
- 5 Kornhauser W. The Politics of Mass Society. NY: Free Press, 1959
- 6 Ротмистров А.Н. Общественные движения: опыт классификации социологических концепций. // Социологические Исследования 2010 №08. // Российская академия наук, 2010 г. Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-8/Rotmistrov_06.pdf
- 7 Hoffer E. The true believer: thoughts on the nature of mass movements. N.Y., 1951. с.10 // Режим доступа: http://evelynbrooks.com/wp-content/uploads/2011/10/The_True_Believer_-_Eric_Hoffer..pdf
- 8 Gurr T. Why Men Rebel. Princeton University Press, 1970
- 9 Gurr T. A causal model of civil strife: a comparative analysis using new indices // Am.Pol.Science Review. 1968. Vol.62
- 10 Smelser N. The theory of collective behavior. N.Y., 1963
- 11 Gurney Y., Tierney K. Relative deprivation and social movement research // Soc.Quart. 1982. Vol.23. No.23
- 12 Липсет М. Политический человек: социальные основания политики. // Пер.: Гендель Е. Г., Гайдамак В. П., Матешук А. В. // Мысль, М, 2016
- 13 Здравомыслова Е.А. Социология общественных движений – становление нового направления / Социология в России/ Под ред. В.А. Ядова. - 2-е изд., перераб. и дополн. С69 - М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. - 696 с

- 14 Осипов, Г.В. Социология. Основы общей теории / Г.В. Осипов. – М.: Норма, 2003. – 912 с
- 15 Blumer H. Social movements // Studies in social movements. A social psychological perspective / Ed. by B.McLaughlin. N.Y. 1969
- 16 Gusfield J. Social Movements and social change: perspective of linearity and fluidity. // Research in Social Movements, Conflict and Change. 1981. Vol.4
- 17 Dawson C., Gettys W. An introduction to sociology. N.Y., 1948
- 18 Gurr T., Duvall R. Civil conflict in the 1960-ies : a reciprocal theoretical system with parameter estimates // Comparative Political Studies. 1973. Vol.6
- 19 Павлова Т. В. Социальные движения как фактор трансформации институциональной среды: проблемы теории. М. 2008. Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/Pavlova_5_08.pdf
- 20 McCarthy J., Zald M. Resource mobilization and social movements: a partial theory // American Journal of Sociology. -, 1977. - Vol. 82
- 21 Jenkins J.C. Resource Mobilization Theory and the Study of Social Movements // Annual Review of Sociology. 1983. Vol. 9
- 22 Zald M., Ash R. Social movement organizations: growth, decay and change // Soc.Forces. 1966. Vol. 44
- 23 Tilly Ch. From Mobilization to Revolution. MA: Addison, 1978
- 24 Tarrow S. Democracy and Disorder: Protest and Politics in Italy 1965–1975. Oxford: Clarendon Press, 1989
- 25 Здравомыслова Е. А. Парадигмы западной социологии общественных движений. — «Наука», Санкт-Петербург, 1993. — 172 С
- 26 Cress D.M., Snow D.A. Mobilization at the Margins: Resources, Benefactors, and the Viability of Homeless Social Movement Organizations // American Sociological Review. 1996. Vol. 61. No. 6.
- 27 Tarrow S. Struggle, politics and reform: collective action, social movements and cycles of protest. Cornell Univ.Western soc. 1989. Paper N.21
- 28 Ess C., Consalvo M. The Handbook of Internet Studies. Blackwell Publishing. 2011. – 512 p
- 29 McAdam D. Political Process and the Development of Black Insurgency. 1930-1970. Chicago, 1982

- 30 Tilly Ch. Collective violence in European perspective // in Graham H., Gurr T.(eds.). Violence in America. Washington DC. 1959
- 31 Tilly Ch. Social movements and national politics // Statemaking and social movements: essays in history and theory / Ed. by Ch. Bright, S. Harding. Ann Arbor, 1984
- 32 Tarrow S. Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics. Cambridge University Press, 1994, 2011
- 33 McAdam D. Conceptual origins, current problems, future directions in Comparative Perspectives on Social Movements in Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings edited by McAdam D., McCarthy J. D., Zald M.N., Cambridge University Press, 1996
- 34 Tarrow S. Democracy and Disorder: Protest and Politics in Italy 1965–1975. Oxford: Clarendon Press, 1989
- 35 Gamson W. The strategy of social protest. Homewood, 1975
- 36 Kitschelt H. Political opportunity structures and political protest: anti-nuclear movements in four democracies // Brit.J. of Polit. Sci. 1986.Vol. 16
- 37 Offe C. New Social Movements: Challenging the Boundaries of Institutional Politics // Social Research.1985. Vol. 52. No. 4
- 38 Touraine A. The voice and the eye. L., 1981
- 39 Touraine A. Production de la societe. Paris. 1973
- 40 Munck G.L. 1995. Actor Formation, Social Co-ordination, and Political Strategy: Some Conceptual Problems in the Study of Social Movements. – Sociology, Vol. 29, № 4
- 41 Touraine A. An introduction to the study of social movements // Soc.Research. 1985. Vol.52, N. 4
- 42 Snow D.A., Soule S.A., Kriesi H. (eds.) 2004. The Blackwell Companion to Social Movements. Blackwell Publishing
- 43 Snow D. A., Rochford E. B. Jr., Worden S. K., Benford R. D. (1986). Frame alignment processes, micromobilization, and movement participation // American Sociological Review. 1986. Vol. 51. № 4. С. 464–481
- 44 От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. Коллектив авторов. / Под ред. К. Клеман. М., Три квадрата, 2010
- 45 Snow D. A., Benford R. D.. Ideology, frame resonance, and participant mobilization // International Social Movement Research. 1988. Vol. 1. С. 197–217

- 46 McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. 2004. Comparative perspectives on social movements: political opportunities, mobilizing structures, and cultural framing. Cambridge
- 47 Rucht, D. and Neidhardt, F. Towards a 'movement society'? On the possibilities of institutionalizing social movements. *Social Movement Studies*, 1. 2002. С. 7–30
- 48 Benford R. D., Snow D. A. (2000). Frame processes and social movements: an overview and assessment // *Annual Review of Sociology*. 2000. Vol. 26. С. 611–639
- 49 Thevenot L. L'action qui convient // Pharo P, and Ouere L. (eds.) *Les formes de Taction*. Paris: Ed. de l'EHESS 1990. (Raisons pratiques 1)
- 50 Болтански Л., Тевено Л. Социология критической способности. // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2000. Том III. № 3. С. 66-83
- 51 Гладарев Б. Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города // *От общественного к публичному* / под ред. О. Хархордина. СПб.: изд-во ЕУСПб.: 2011. С. 71—304